Bibl. Bobrinskoï.
Division № VIII 3
№ du volume 11943
Armoire M/5.

К 62 5/88

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

„СЪ ВОЙНЫ“

(ЛИСТКИ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

„СЪ ВОЙНЫ“

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій.

К62 5/88

„СЪ ВОЙНЫ“

(ЛИСТКИ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

БИБЛІОТЕКА
275311

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время", Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
	Посвященіе	7
I.	Они идутъ	9
II.	Всенощная	11
III.	Въ бою	13
IV.	Въ избѣ лѣсника	15
V.	«Война»	17
VI.	Разоренный фольваркъ	18
VII.	У рѣки	20
VIII.	Окопъ	22
IX.	Изъ письма	24
X.	Кресты	26
XI.	Атака	28
XII.	Исповѣдь	29
XIII.	Ночь	31
XIV.	Плѣнные	33
XV.	Трое	35
XVI.	Елка	37

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, смѣлые бойцы за родину святую,
Вамъ, кто скорбѣлъ душой о бьющихся въ бояхъ,
Я отдаю исторію простую,
Что записалъ я въ искреннихъ словахъ.
Не ждите въ ней блестящихъ словъ и пыла,
Придуманныхъ побѣдъ, напрасныхъ лживыхъ фразъ,
— Я это записалъ среди боевъ для Васъ,
— Все это прожито... Все, что пишу я, было!

16 октября.
Бивакъ у дер. Валентиновъ
у Ильжи.

I.

ОНИ ИДУТЪ.

Дремали тихихъ нивъ спокойно вереницы,
Лишь голосъ пахаря будилъ ихъ тишину,
Когда примчалась вѣсть изъ сѣверной столицы,
Что дерзкій врагъ намъ объявилъ войну.
И вотъ, на зовъ Царя, оставивъ хлѣбъ несжатый,
Дѣтей и женъ, безмолвно, какъ одинъ,
Святой любовью къ родинѣ объятый,
Поднялся тихо русскій исполинъ.
Перекрестясь, съ задумчивостью, строго
Принять готовый натиски враговъ,
Онъ двинулся впередъ съ глубокой вѣрой въ Бога,
На жертвы всѣ и трудности готовъ.
Какъ дѣды и отцы, готовъ онъ также нынѣ
За Вѣру и Царя спокойно жизнь отдать,
Онъ вѣритъ, что идетъ родимыя святыни

Отъ поруганій вражьихъ отстоять,
И онъ твердитъ задумчиво и строго:
«— Не плачьте, близкіе. Пускай туманна даль,
Къ столицамъ вражескимъ извѣстна намъ дорога.
Возстань, святая Русь! Впередъ, во имя Бога!
За Вѣру и Царя намъ жизнь отдать не жаль»!

20 іюля.
Новый Осколъ.

II.

ВСЕНОЩНАЯ.

Закатъ спокойно тихъ... Послѣдними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса.
Замолкъ бивака шумъ... Туманный дымъ клубами
Отъ кухонъ тянется, за рощей, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, недвижны и стройны.
Столъ въ глубинѣ каре... На немъ блестятъ иконы
И голосъ пастыря звучитъ средь тишины.

Сосредоточенно, въ торжественномъ молчаньи,
Солдаты молятся... Быть можетъ, завтра бой.
Невольно прошлаго встаютъ воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Средь вечера тиши, предъ днемъ тяжелой битвы,
Подъ сводомъ голубымъ открыты всѣ сердца.
Понятнѣй и яснѣй знакомыя молитвы
Въ природы близости и близости Творца.

И мысль въ сердцахъ сокрытую глубоко
Молящійся душой стремится повторить:
Храни, Благой Господь, оставшихся далеко,
Дай, Боже, мощь врага скорѣе сокрушить!

Д. Бабиде.
10 августа 1914 г.

III.

ВЪ БОЮ.

Памяти А. В. Лауницъ.

Онъ мимо насъ прошелъ, спокойно улыбаясь,
Съ сіяющимъ лицомъ, веселый, молодой,
Привѣтливо рукой махнулъ намъ, удаляясь,
И крикнулъ: «Вотъ и я иду на этотъ бой».
Солдаты шли крестясь, спѣша и догоняя,
Пригорокъ ихъ намъ скрылъ... Шелъ сильный бой кругомъ.
Шрапнели сыпались, свистя и завывая,
И яркій день горѣлъ въ сіяньи золотомъ.
Вернулся онъ, чрезъ часъ иль два, не болѣ,—
Качаясь, тихо къ намъ носилки принесли,
Поставили у дома ихъ, на полѣ.
И, странно грустные, смущенно отошли.
— «Что? Раненъ? Кто?» — съ невольною тревогой
Спросилъ одинъ изъ насъ. Шинелью весь закрытъ,

Недвижно онъ лежалъ въ какой-то позѣ строгой,
И кто-то отвѣчалъ: «Поручикъ нашъ... убитъ».
И странно... На глазахъ спокойнаго солдата
Явилась горькая, блестящая слеза.
Приподняли шинель, и страшная утрата
Невольной странностью смутила намъ глаза.
Какъ? Онъ? Что здѣсь прошелъ, такой веселый, милый,
Въ комъ била жизнь ключомъ, еще вотъ здѣсь, сейчасъ,
Онъ взятъ отъ насъ безжалостной могилой.
Не можетъ быть, чтобъ онъ ушелъ отъ насъ!
И слезы шли изъ глазъ... А онъ лежалъ спокойно,
Съ улыбкой кроткою и тихой на устахъ.
Перекрестились мы... Вдали къ окопамъ стройно
Перебѣгалъ нашъ полкъ среди огня въ цѣпяхъ,
И, съ нимъ сплотясь, пошли мы къ общей цѣли —
Мгновенье грусти было — и прошло.
Мы двинулись впередъ... Кругомъ рвались шрапнели,
А солнце въ небесахъ горѣло такъ свѣтло.

Между д. Герляки и Стружа Косарж.
26 августа.
Нап. въ Кржен. лѣсу, подъ шрапнелью.

IV.

ВЪ ИЗБѢ ЛѢСНИКА.

Я помню ночь... Мы шестеро сидѣли
Въ густомъ лѣсу, въ избушкѣ лѣсника...
Кругомъ рвались австрійскія шрапнели,
И пулеметовъ трескъ звучалъ издалека.

Намъ было холодно... Фонарь, шинелью скрытый,
Бросалъ на насъ багровый лучъ порой,
Былъ теменъ небосводъ, покровомъ тучъ закрытый,
И сычъ встревоженный кричалъ во тьмѣ ночной.

Бой жарче дѣлался... Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая въ тьмѣ небесъ,
Короткой молніей окрестность озаряя,
Рвались... И вторилъ имъ, гудя, безмолвный лѣсъ.

Склонясь въ пустомъ углу надъ трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекія слова:
«Отбили...». «Отошли...». «Еще идетъ колонна...».
«Патроновъ дайте...». «Держимся едва...»

То были жуткія мгновенья въ домѣ этомъ,
А ночь была длинна. Минутъ тянулся рядъ...
Вдругъ, въ поздній часъ, за мигъ передъ разсвѣтомъ,
У дома самаго разорвался снарядъ.

На мигъ прервались провода, отвѣты,
Связь порвалась... А гдѣ-то впереди
Усилилась стрѣльба... Раздались крики гдѣ-то,
И сердце замерло мучительно въ груди...

Я помню эту ночь, кошмаръ больного бреда,
Разсвѣтъ... Туманный дождь... Избушку лѣсника.
Вновь телефонный гулъ... И тихій звукъ: «Побѣда»,
Что голосъ намъ сказалъ, едва, издалека.

Въ лѣсу у Новой.

V.

«ВОЙНА».

Сожженный рядъ домовъ... даль стоптанныхъ полей,
Туманный сѣрый дождь, видъ мрачный и суровый,
Повозки, полныя тьмой женщинъ и дѣтей,
Лохмотья и узлы оставшихся безъ крова,
И плачъ, и стонъ, и выстрѣлы вдали,
И пологъ дыма сѣрый и пожарный,
И запахъ труповъ отъ земли —
Тяжелый, душный и кошмарный;
Шинели рваныя, патроны на поляхъ,
И ночь, какъ день, отъ зарева отсвѣта,
И радостный подъемъ волненія въ бояхъ,
И мысль о тѣхъ, чье сердце плачетъ гдѣ-то,
Кому далекихъ грусть понятна и родна,
Кто молится о всѣхъ и мучится душою...
Тотъ ужасъ, что, порой, зовется красотою,
То ты—Война.

1 октября.
Д. Каменъ, въ Галиціи.

VI.

РАЗОРЕННЫЙ ФОЛЬВАРКЪ.

Молчитъ и дремлетъ даль нѣмая парка,
Багровымъ золотомъ одѣтъ каштанъ и кленъ,
Безмолвна гладь пруда... Среди аллей не-жарко,
Прозрачно чистъ безбрежный небосклонъ.

Безмолвенъ старый паркъ, у каменной ограды
Лежитъ стѣна въ обломкахъ кирпичей;
Не такъ давно кругомъ рвались снаряды,
И старый домъ стоитъ ненужный и ничей.

Онъ выжженъ весь внутри... Въ порывѣ разрушенья,
Въ него вломился врагъ, все грабилъ и ломалъ,
Весь окровавленный, средь ночи отступленья,
Зажженъ онъ кѣмъ-то былъ и долго догоралъ.

Теперь все кончено... Безмолвенъ паркъ пустынный.
Кругомъ развалины—слѣдъ прошлой красоты,
Лишь паутины вьются лентой длинной,
Да тихо падаютъ поблекшіе листы.

И смутно кажется, что въ домѣ, заглушенный,
Звучитъ послѣдній стонъ печали и борьбы...
Безмолвенъ старый паркъ, закатомъ озаренный,
И слышенъ дальній гулъ немолкнущей стрѣльбы.

VII.

У РѢКИ.

Разсвѣтъ чуть брежжущій. Клубящійся туманъ.
Просторъ рѣки, струящей быстро воды.
Вдали лѣсистый кряжъ... Кусты, ряды полянъ,
И сѣрыхъ тучъ нависнувшіе своды.
Крестъ на горѣ... Разрушенный костелъ.
Окрестный видъ печаленъ и туманенъ.
Остатки жалкіе когда-то бывшихъ селъ
Средь голубыхъ дымковъ, обугленныхъ развалинъ.
За ними точекъ рядъ чуть видный... То враги, —
Настойчиво слѣдятъ они за нами:
— «Солдатъ свой постъ ревниво береги».
Вотъ что-то грохнуло за дальними холмами,
Снаряда свистъ... И громкій вдругъ разрывъ.
— «Направо. Недолетъ. Неправильно онъ мѣтитъ».
Невольно мысль блеснетъ: «На этотъ разъ я живъ».
А солнце все яснѣй... Оно ужъ ярко свѣтитъ,

Бросая теплый лучъ на длинный рядъ траншей,
Гдѣ, сторожа̀ врага, молчимъ мы, ожидая...
Чу! Вотъ отвѣтъ отъ нашихъ батарей...
А Висла все шумитъ, шумитъ не умолкая.

VIII.

ОКОПЪ.

— «Вы взять должны окопъ. Венгерцы передъ вами.
«Вамъ поручаю я участокъ впереди».
Онъ взялъ подъ козырекъ. Измѣрилъ даль глазами,
И сердце замерло мучительно въ груди.
— «Сейчасъ прикажете?» — «Да, это предписанье».
— «Идите». — «Слушаюсь», послышался отвѣтъ.
Пуль разрывныхъ короткій блескъ и свѣтъ
Все время прерывалъ ночной тиши молчанье,
А ночь была тепла... Горѣлъ созвѣздій рядъ,
Теплomъ и ласкою казалась ночь объята.
Онъ по рядамъ прошелъ... На роту кинулъ взглядъ
И громко произнесъ: «Впередъ! За мной, ребята!»
Въ безмолвной ночи тьмѣ послышались шаги,
Солдаты бросились нестройными рядами.
Средь мыслей пронеслось: «Себя побереги»—
Шептала мать, цѣлуя со слезами.

Невѣсту вспомнилъ онъ... Но вотъ окопъ... Скорѣй!
Сильнѣй стрѣльба... Все тонетъ въ смутномъ гулѣ...
— «Впередъ! Ура!» — звучитъ среди цѣпей.
Вдругъ въ грудь ударъ... И словно потонули
Во тьмѣ окопъ, и вспышки, и весь міръ.
Волной могучею въ окопъ влились солдаты.
«Ура!» и выстрѣлы... «Убитъ нашъ командиръ»,
Промчалось по рядамъ... Сознаніе утраты
Мелькнуло средь людей... Но вдалекѣ опять
Вдругъ раздалось «ура!», и громкій кликъ побѣдный
Поднялся вновь, врагъ бросился бѣжать.
Лишь онъ одинъ, недвижный, странно блѣдный,
Остался на валу, и неподвижный взглядъ,
Духовнымъ окомъ въ сводъ глядя небесный,
Какъ будто говорилъ: «Я дѣло сдѣлалъ честно,
«Пусть я погибъ. За то окопъ былъ взятъ».

16 октября.

IX.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Не говори, что ты печально одинока,
Въ разлукѣ не томись, страдая и любя,
Вѣдь если ты осталась тамъ далеко,
То сердце здѣсь дрожитъ и плачетъ за тебя.

Не говори о томъ, что сердце мука гложетъ,
Что отъ разлуки ты томишься безъ конца,
Кто любитъ искренно, тотъ разорвать не можетъ
Таинственную нить, связавшую сердца.

Не говори о томъ, что въ часъ тяжелой битвы,
Дрожитъ душа твоя, безсильемъ смущена,
Ищи бодрящихъ силъ средь искренной молитвы,
Вѣдь силы и тепло несетъ съ собой она.

Пойми, что тамъ вдали, гдѣ злобно пуля свищетъ,
Гдѣ рветъ шрапнель и слышенъ стонъ гранатъ,
Съ надеждою въ душѣ, зоветъ тебя и ищетъ
Межъ терній и тревогъ тебя зовущій взглядъ.

Ему въ тревогѣ битвъ далекою звѣздою
Горитъ твоя любовь, и для нея одной
Пойдетъ онъ съ искренней и любящей душою
На всѣ опасности въ кровавый этотъ бой.

Такъ не томись одна печалью и сомнѣньемъ,
Не мучайся о тѣхъ, что гдѣ-то далеко.
Вѣрь и люби. Придетъ конецъ волненьямъ.
Кто вѣритъ, тотъ силенъ, и все ему легко!

X.

КРЕСТЫ.

У брошеныхъ траншей, у лѣса, при дорогѣ,
Средь стоптанныхъ полей, молитвенно просты,
Они стоятъ, величественно-строги,
Могилъ солдатскихъ бѣлые кресты.
Изъ вѣтокъ и досокъ ихъ сколотивъ неровно,
Послѣдній долгъ въ нихъ отдавая свой,
Товарищи ихъ ставили любовно,
Прощаясь съ ними взглядомъ и слезой.
Въ пылу боевъ, когда людей косили,
Мильоны пуль и смерть кругомъ была,
Въ могилахъ тѣхъ солдаты схоронили
Товарищей недвижныя тѣла.
Слова есть на крестахъ... Схоронены здѣсь вмѣстѣ
Тѣла начальниковъ и нижніе чины,
Ихъ смерть сравняла всѣхъ на бранномъ полѣ чести,
Какъ братья здѣсь они погребены.

И въ часъ, когда, стремясь въ иныя дали,
Полки, крестясь предъ ними, въ бой идутъ,
Невольно драмы тѣ, что здѣсь переживали,
Въ душѣ у каждаго картинами встаютъ.
Бой. Громъ пальбы... Трещанье пулемета,
Потомъ атака... сѣрый небосводъ.
О тѣхъ, кто палъ, послѣдняя забота,
Послѣдній взглядъ назадъ... и новый зовъ «Впередъ!».
И, проходя, крестясь, предъ этими крестами
Погибшихъ далеко отъ близкихъ и друзей,
Приходитъ мысль: «Герои, миръ надъ вами!
«Вы жизнь отдали родинѣ своей,
«Вы за нее пошли на бой кровавый
«И гдѣ бъ ни пали вы, сраженные врагомъ,
«Всѣ ваши имена, погибшихъ здѣсь со славой,
«Въ народной памяти украсятся вѣнцомъ».

15 октября.

XI.

АТАКА.

Ночь! Поле чистое... Какъ гребень предъ канавой,
Вдали большой окопъ... Трескъ ружей... Блескъ огней...
Свистъ частый пуль... Сигналъ вдали направо
И крикъ «ура», летящій отъ траншей.
Несутся тѣни смутныя средь ночи;
Сталъ пулеметъ трещать... Все выстрѣлы сильнѣй.
«Ура» въ цѣпяхъ сильнѣе и короче,
Рядъ криковъ смѣшанныхъ и бой среди траншей.
Потомъ опять пальба... Свѣтящіяся пули
Какъ звѣзды яркія, горятъ средь темноты.
Но вотъ замолкло все... Во мракѣ потонули
Окопа дальняго туманныя черты,
За нимъ лежатъ враги... Чуть слышимые стоны
Звучатъ во тьмѣ ночной... Вдругъ слышно вновь «ура».
То вновь, въ другой окопъ, опять идутъ колонны
Въ чуть видномъ проблескѣ утра.

16 октября.

XII.

ИСПОВѢДЬ.

Памяти В. В. Степанова.

Онъ ночью былъ въ атакѣ тяжко раненъ
И перевязанный въ пустой избѣ лежалъ.
Усталый взглядъ его былъ смутенъ и туманенъ,
И тихо онъ священнику шепталъ:
— «Я знаю, я умру... Я это понялъ ясно,
«Я съ жизнью примиренъ, не смѣю я роптать,
«Но мучитъ мысль одна... Вѣдь будетъ такъ ужасно,
«Когда про мой конецъ моя узнаетъ мать.
«Отъ дѣтскихъ лѣтъ мы такъ съ ней жили дружно,
«Дѣлились мыслью каждою своей...
«Про то, какъ я страдалъ, ей говорить не нужно;
«Что думалъ про нее, о томъ скажите ей...
«Послушайте»...

И въ трепетномъ сіяньи
Мерцающей свѣчи онъ долго говорилъ
Про жизни дни свои, про прошлыя желанья,
Про то, какъ мать онъ искренно любилъ.
Шла тихо исповѣдь, порою прерываясь,
Молился пастырь, слушая слова.
Безмолвно было все... лишь гдѣ-то, удаляясь,
«Ура» въ окопахъ слышалось едва...

Д. Задроже.

XIII.

НОЧЬ.

Средь дома тишина... Уныло, монотонно
Стучатъ часы... Все дремлетъ и молчитъ.
За ставнями окна, вдали, неугомонно
Стрѣльба ружейная безъ умолку трещитъ.
Тамъ, лишь въ верстѣ всего, въ окопахъ наблюдая,
Солдаты ждутъ врага и пули тамъ свистятъ,
Снѣжинки падаютъ, окрестность устилая,
И въ мѣсяца лучахъ играютъ и блестятъ.
Сверкаютъ яркихъ звѣздъ на небѣ миріады,
Лазурью манитъ чистый сводъ небесъ
И поле бѣлое, село и дальній лѣсъ,
Все проситъ такъ покоя и отрады.
Но нѣтъ, покоя нѣтъ.
Какъ точекъ красныхъ рядъ,
Сверкаютъ выстрѣлы. Имъ эхо вторитъ громомъ.

Вотъ пушка грянула... Свистя летитъ снарядъ,
Визгъ и ударъ за тихо спящимъ домомъ.
Опять ударъ. — И вотъ, во тьмѣ ночной
Проснулось все... Огонь скользнулъ по крышѣ
И, въ красномъ заревѣ, языкъ его большой
Лизнулъ сарай, бѣжитъ все выше, выше.
Нарушенъ краткій мигъ предутренняго сна,
Средь криковъ и стрѣльбы зажженнаго селенья.
На небѣ такъ свѣтло... Плыветъ межъ тучъ луна,
Но нервамъ и душѣ нѣтъ краткаго забвенья.

Д. Паромбка.

XIV.

ПЛѢННЫЕ.

Ихъ длинные ряды. Кроаты, поляки,
Жиды изъ Кракова, румыны и австрійцы,
Венгерцы мрачные... тирольскіе стрѣлки
И чехи хмурые, словаки и боснійцы.
Всѣхъ привела въ нашъ станъ измѣнчивость судьбы,
Они дрались и гибли, нападая,
Дрались, безцѣльность ужаса борьбы
Въ сердцахъ, истерзанныхъ войной, не сознавая.
Теперь голодные стоятъ они, блѣдны,
Испачканы землей, печальны и послушны.
Ихъ взяли средь траншей... Толпой окружены,
Они стоятъ, смѣются добродушно.
— «Зачѣмъ воюете? звучитъ среди рядовъ,
— «Мы зла вамъ не хотимъ, на нѣмца мы поднялись.
И слышится отвѣтъ: «Солдатъ идти готовъ,
«Когда приказано... И храбро мы сражались».

— «Нехорошо одно, что пулею ты, братъ,
«Стрѣляешь разрывной», твердитъ солдатъ запасный.
Не понимая словъ, даетъ ему кроатъ
Шнурокъ отличія и золотой и красный.
Мѣняя на табакъ иль на смѣшной кисетъ,
Вотъ плѣнникъ получилъ отъ нашего солдата
Краюшку хлѣба. — Ей отказа нѣтъ.
Забытъ недавній бой, и злоба и расплата
За цѣпь ночей безъ сна и ужасы войны
Въ тѣхъ, кто сражался, край свой защищая,
Предъ добродушьемъ русскимъ нѣтъ вины.

А вдалекѣ стрѣльба звучитъ не умолкая.

Посадъ Гощинъ.
4 января.

XV.

ТРОЕ.

Въ углѣ окопа ихъ было трое.
Былъ сильный холодъ... Закатъ сіялъ,
Бѣлѣло поле вдали большое,
Чертою дальній казался валъ...
Они, стрѣляя, порой смотрѣли
На вражье поле въ бойницы щель,
А пули жутко кругомъ свистѣли
И въ небѣ звонко рвалась шрапнель.
— «Я раненъ въ руку... Перевяжите»,
Одинъ промолвилъ, склонясь къ землѣ.
Другой отвѣтилъ: — «Предупредите
«Скорѣе нашихъ... Вонъ тамъ, во мглѣ
«За тѣмъ оврагомъ, ползутъ, скрываясь,
«Чужія цѣпи... Я вижу ихъ...»
А третій тихо шепнулъ, склоняясь,
Нежданно блѣденъ и странно тихъ:

3*

— «Въ животъ... Смертельно, я это знаю,
«Иди скорѣе»... — Второй пропалъ,
А первый долго, прижавшись къ краю,
Одной рукою въ врага стрѣлялъ.
Съ нимъ рядомъ мертвый... ихъ было двое
Казалось, тоже впередъ смотрѣлъ.
Бѣлѣло поле вдали большое,
За дальнимъ лѣсомъ закатъ горѣлъ...
Отъ пуль случайно во тьмѣ спасенный
Второй вернулся, предупредивъ.
Былъ ночи сумракъ... сырой, сгущенный,
Окопъ холодный былъ молчаливъ...
Онъ началъ въ поле стрѣлять большое
Во тьму ночную... И вдругъ упалъ.

Въ окопѣ мерзломъ ихъ было трое,
Снѣгъ тихо, тихо на нихъ спадалъ.

4 декабря 1914 г.
Посадъ.

XVI.

ЕЛКА.

(Окопная сказка).

Стояла елка у поля края
Вблизи дороги, нѣжна, стройна,
Отъ зимней вьюги ее скрывая,
За ней лѣсная была стѣна...
Шепталъ ей вѣтеръ, носясь полями,
Безумья сказки, смѣялся, пѣлъ,
И лѣсъ столѣтній, шумя вѣтвями,
Въ грозу и бурю за ней гудѣлъ...
На небѣ зори смѣняли зори,
Шли вереницы, часовъ, недѣль,
Заботъ не зная, не зная горя,
Все выше къ небу тянулась ель...
Внимая пѣснямъ любви и нѣги,
Что пѣлъ ей вѣтеръ, носясь въ поляхъ,

Дрожали страстно ея побѣги
Отъ ласки вѣтра, въ безумныхъ снахъ.
И снилось елкѣ:
Блестя огнями,
Средь украшеній она стоитъ,
Сплелися звѣзды съ ея вѣтвями
И смѣхъ безпечный кругомъ звучитъ.
Подъ звуки скрипокъ несутся пары,
Вальсъ замираетъ въ тиши ночной.
— Вдругъ стали гдѣ-то звучать удары.
Чу! Выстрѣлъ гдѣ-то. — За нимъ другой.
Очнулась елка. Въ пожара свѣтѣ
Лѣсъ словно ожилъ, треща, гудитъ,
Несутся мимо повозки, дѣти,
Все ближе, ближе стрѣльба звучитъ.
Цѣпями мчатся въ лѣсу колонны,
Шрапнели ищутъ во мракѣ цѣль.
Стрѣльба все ближе... Все чаще стоны.
Разрывъ... — И сразу сломалась ель...
Склонились вѣтки, полны печали,
Изъ раны струйкой пошла смола,
И долго капли во тьмѣ стекали
По буро-красной корѣ ствола.
Спускался сумракъ, въ огняхъ заката
Шумъ битвы гдѣ-то смолкалъ вдали,
Стучала тихо въ корняхъ лопата,
Входя все глубже въ покровъ земли...
— «Сюда... Кладите»—они сказали,

Во тьмѣ крестились, сдержавъ печаль,
Сукъ вѣтки гибкой съ стволомъ связали
И скрылись въ ночи нѣмую даль.
Разсвѣтъ былъ ясенъ... Вдали летѣли
По небу тучки... Былъ свѣтъ кругомъ.
У края лѣса, на мѣстѣ ели,
Былъ холмъ могильный съ большимъ крестомъ.
Стрѣльба за лѣса стѣной смолкала,
Побѣдно клики неслись вдали,
Слезой горючей смола стекала
На холмъ холодной, сырой земли.
Стекая, слезы въ лучахъ блестѣли,
Грѣлъ холмъ весенній горячій свѣтъ...
И славу павшимъ шептали ели
И лѣсъ имъ тихо гудѣлъ въ отвѣтъ.

Дер. 3 января 1915 г.

193 г.

M. O. B.
2 0 MAR 19
Hen

Цѣна 50 коп.